

*Л. В. Алексеева***К ВОПРОСУ О ТРЕТЬЕМ ЭТАПЕ КРЕСТЬЯНСКОЙ ССЫЛКИ
И ЧИСЛЕННОСТИ СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ НА СЕВЕРЕ
ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (1930–1933 гг.)**

В статье рассматривается один из дискуссионных вопросов современной исторической науки – третий этап крестьянской ссылки и численность раскулаченных крестьян, отправленных на поселение в начале 1930-х гг. в пределах современных Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов. Автор осуществляет ретроспективный взгляд на предыдущие два этапа «кулацкой ссылки» (1930–1931 гг.) и представляет уточненные данные о численности крестьян, выявляет их долю в населении национальных округов. В статье уделяется внимание дискуссии об этапах крестьянской ссылки и численности спецпереселенцев в 1930–1933 гг., рассмотренной автором в соответствии с выделенными им двумя подходами в отечественной историографии. Автор сосредотачивает внимание на анализе ошибочных трактовок статистических данных, которые привели к формированию представлений в региональной историографии, выразившихся в преувеличении численности спецпереселенцев, отправленных в национальные округа Севера Западной Сибири. На основе анализа документов Политбюро, ОГПУ и Уралобкома ВКП(б), отразивших планы ссылки 1932 г., в исследовании установлен факт третьего этапа ссылки в регион. Методом прямого подсчета и сопоставления данных различных источников установлена численность спецпереселенцев 1932 г. и сформулирована оценка третьего этапа ссылки, который не носил характера массового переселения в регион. В статье представлен анализ причин свертывания массовых переселений крестьян в 1932–1933 гг. Впервые в отечественной науке внесена ясность по вопросу особенностей третьего этапа крестьянской ссылки в Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский национальные округа.

Ключевые слова: крестьянская ссылка, этап, национальный округ, спецпереселенцы, крестьяне, Север Западной Сибири, Урал, план, численность, исследование, дискуссия.

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-1-106-116

В результате реализации трагической по последствиям государственной политики «ликвидации кулачества как класса» в начале 1930-х гг. север Западной Сибири стал одним из мест расселения раскулаченных крестьян. В исследуемый период указанная территория входила в состав Уральской области, находившейся в форпосте индустриального развития СССР и особенно нуждавшейся в рабочей силе. Север Западной Сибири рассматривался для промышленного Урала как сырьевой район [ГАСО. Ф. Р-856. Оп. 4. Д. 15. Л. 144–155], а ссыльные крестьяне как основная рабочая сила для государственных предприятий лесной и рыбной промышленности. В документах эта прагматическая цель увязывалась с решением идеологических и политических задач региона: преодоление «вековой» отсталости коренных народов, «подъем» Севера, борьба за его хозяйственное освоение, культурное развитие в новых условиях социалистического строительства под лозунгом: «от патриархальщины к социализму» [КУ «ГАЮ». Ф. Э-1. Оп. 11. Д. 120. Л. 355]. Среди дискуссионных вопросов темы «кулацкой» ссылки – этапы и численность отправленных крестьян на каждом из них. По первым двум этапам крестьянской ссылки мы располагаем новыми данными, полученными в последние годы [Алексеева 2020; 2021]. Малоизученным вопросом темы крестьянской ссылки на Север Западной Сибири остается 1932 г., так как неясно, отправляли крестьян в регион или нет. Осуществленное исследование по уточнению хронологических рубежей и количественных данных по первым двум этапам крестьянской ссылки (1930, 1931 гг.) позволяет автору рассмотреть ситуацию с третьим этапом: был ли он реализован применительно к Северу Западной Сибири? Таким образом, проблема исследования заключается в выявлении новых фактических данных, подтверждающих или опровергающих массовое переселение раскулаченных крестьян в Остяко-Вогульский и Ямало-Ненецкий округа в 1932 году.

Материалы и методы

Труды отечественных историков, выполненные на этапе позднего социализма, и современные публикации составили фактографическую основу статьи, послужив отправной точкой исследования, начатого автором четверть века назад [Прибыльский 1988; Земсков 1994, 118–147; Славко 1995, 72–

73; Загороднюк 1999; Ивницкий 2001, 315–319; Боркова 2005; Мошкин 2008; Михалев 2010; 2011]. Кулацкая ссылка и раскулачивание в СССР стали предметом рассмотрения в ряде обобщающих работ зарубежных авторов [Conquest 1987; Merl 1995; Fitzpatrick 1996; Keep 1997; Pohl 1997; Viola 2009]. Исследования любопытны с точки зрения выводов и оценок исследуемых явлений и процессов.

Однако для выполнения исследования все же в большей степени были востребованы различные виды источников. Значительная группа документов опубликована, и исследовательский потенциал объемных сборников по истории депортаций крестьянства далеко не исчерпан [Трагедия ... 2001; Политбюро... 2005; 2006; Советская ...2005]. Неопубликованные источники заимствованы из государственных архивов России различного уровня (Российский государственный архив социально-политической истории, Центр документации общественных организаций Свердловской области, Государственный архив Свердловской области, Государственный архив социально-политической истории Тюменской области, Государственный архив Югры и др.). В процессе исследования автором востребованы различные методы. В их числе методы периодизации и контент-анализа; ретроспективный и историко-сравнительный; статистический и математический. Они позволили выявить и систематизировать имеющийся фактический материал, провести сопоставительный анализ данных и осуществить подсчеты, результатом которых стала корректировка бытовавших представлений о численности спецпереселенцев в Остяко-Вогульском и Ямало-Ненецком национальных округах.

Дискуссия об этапах крестьянской ссылки и численности спецпереселенцев

В отечественной историографии наблюдается два подхода к периодизации процесса переселения крестьян на Север Западной Сибири в начале 1930-х гг. Для сторонников *первого подхода* характерно рассмотрение процесса насильственного переселения 1930–1932 / 1933 гг. без выделения конкретных этапов [Прибыльский 1988; Загороднюк 1999; Петрушин 1999]. Этой группой авторов представлены обобщенные данные по количеству отправленных в регион крестьян. Так, Ю. П. Прибыльский считал, что в 1930–1932 гг. на Тобольский Север прибыло не менее 50 тыс. спецпереселенцев, из них в Остяко-Вогульский (Ханты-Мансийский) округ около 37400 человек [Прибыльский 1988]. О том, сколько было отправлено на Ямал, данных Ю. П. Прибыльским не приводилось. Н. И. Загороднюк придерживается мнения, что в 1930–1932 гг. в Тобольском округе были размещены 55 тыс. спецпереселенцев [Загороднюк 2000, 22]. А. А. Петрушин утверждает, что на Тобольский Север было отправлено более 31 тыс. крестьянских семейств, что, по его мнению, составило около 150 тыс. человек [Петрушин 1999, 134]. Однако в его работе эти данные не детализированы, и ссылки на источники не представлены. Таким образом, в имеющихся сведениях о численности крестьян наблюдаются расхождения.

Для исследователей, придерживающихся *второго подхода* к периодизации ссылки, характерно выделение ее этапов, согласно процессам раскулачивания в СССР 1930–1933 гг. Эти этапы выделял известный историк-аграрник Н. А. Ивницкий: 1930, 1931 и 1932–1933 гг. [Ивницкий 2001, 318]. В соответствии с этими этапами осуществлялось и выселение крестьян. В. В. Мошкиным предложена периодизация ссылки в Остяко-Вогульский округ: I этап – с зимы 1930 г. до осени 1930 г.; II этап – весна и лето 1931 г.; III этап – с весны 1932 г. до мая 1933 года. Ошибка в периодизации В. В. Мошкина касается не только хронологических рамок третьего этапа¹, но и численности крестьян. В. В. Мошкин утверждает, что в 1932–1933 гг. было вселено в округ 32 тыс. человек [Мошкин 2008, 53]. Ошибочные утверждения встречаются и в других работах. С. В. Горшков и Н. Н. Попов, ссылаясь на А. А. Петрушина, пишут, что в феврале 1932 г. в Березов и Сургут прибыли тысячи ссыльных [Горшков, Попов 2000, 234]. Этот факт был характерен для первого этапа ссылки, т.е. для февраля 1930 г., а не для 1932 г. В сборнике «Наша общая горькая правда» сообщается, что в апреле 1932 г. спецпереселенцы прибыли в хозяйственные организации Остяко-Вогульского округа (перечисляется контингент по районам округа). Их общая численность составила 30243 человека (6459 семей). Они были размещены в 56 поселках [Наша общая ...2004, 18–19; 45]. В документе, на который ссылаются С. Лазарева и Ю. Дружинина, представлены данные об имевшихся (размещенных на апрель 1932 г.) спецпереселенцах, т.е. речь идет не о ссылке 1932 г., а о численности учтенных спецпереселенцев в округе, расселенных ранее (они прибыли в 1930–1931 гг.).

¹ Ссылка осуществлялась лишь в период навигации 1932 года.

Следует также обратить внимание, что при выявлении числа спецпереселенцев исследователи либо оперировали обобщенными данными по региону, не предоставляя статистики по годам ссылки, либо группировали сведения по территориальному признаку, используя географические названия: Тобольский Север, Уральский Север, Север Западной Сибири, Обь-Иртышский Север, Обской Север. В ряде исследований статистику спецпереселений рассматривали в границах административных образований: Тобольский округ; Остяко-Вогульский и Ямало-Ненецкий округа.

Анализ исследований показал, что историкам удалось представить лишь количественные данные по первому этапу ссылки (1930 г.), а вот сколько было отправлено в 1931 г. и 1932 г. в регион, долгое время было неизвестно. Уточненные и новые данные о численности крестьян, сосланных в регион в 1930 и 1931 гг. были представлены лишь в последние годы. Общая численность отправленных спецпереселенцев в Остяко-Вогульский и Ямало-Ненецкий округа в 1930–1931 гг. составила по нашим подсчетам 48054 человек. Численность спецпереселенцев составила на 1 октября 1931 г. 43885 человек.

Планы по переселению крестьян в 1932 г.

Репрессии в отношении крестьянства продолжились в 1932 году. Для того, чтобы приблизиться к решению поставленной исследовательской задачи, необходимо проанализировать документы вышших и региональных органов власти по планам переселения на Урал и внутри Уральской области в 1932 г. По данным оперативного учета ОГПУ по состоянию на 10 апреля 1932 г. было учтено невыселенных «кулацких» хозяйств по 22 областям СССР – 321438 [Советская ... 2005,92]. На 1 января 1932 г. в Уральской области насчитывалось 484679 спецпереселенцев [ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 238. Л. 51]; это был самый насыщенный спецконтингентом регион в СССР.

Из протокола заседания комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) по спецпереселенцам от 10 апреля 1932 г. по вопросу «О выселении кулаков» содержалась рекомендация: «Считать необходимым в течение текущего года выселить 30–35 тыс. семей кулаков, вычищенных из колхозов и раскулаченных» [Трагедия ... 2001]. ОГПУ разрабатывало крупную операцию по высылке такого большого числа людей, несмотря на наличие гуманитарной катастрофы в спецпоселениях. Высокий уровень детской смертности заставил все же ОГПУ в своем циркуляре от 26 апреля 1932 г. дать указание оставлять детей до 14 лет у родственников или знакомых [Политбюро... 2006, 555].

Постановление СНК СССР «О спецпереселенцах» от 7 мая 1932 г. утверждало представленный ОГПУ план выселения в количестве 38300 семей [Политбюро... 2005, 539]. Комиссия Я. Э. Рудзутака несколько пересмотрела плановые цифры в сторону их уменьшения. Приняли решение о высылке в 1932 г. 30–35 тыс. хозяйств. СПО ОГПУ представил ориентировочные цифры выселения по отдельным областям, в том числе 12,5 тыс. семей на Урал [Политбюро... 2005, 530–534], которых предстояло выселить в течение мая-июля².

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О спецпереселенцах» от 16 мая 1932 г. гласило: «Отменить постановление Политбюро от 4 мая 1932 г. о хозяйственном выселении 38 300 кулацких семейств, предложив ОГПУ отдельные контрреволюционные злостные элементы в деревне изымать в порядке индивидуального ареста» [Политбюро ... 2005, 543]. По сути, был заявлен переход на локальные / точечные высылки небольших кулацких групп по мере их выявления. Несмотря на отмену массовых выселений, торопившиеся исполнить указания апрельских документов ОГПУ местные организаторы «успели» выслать почти 20 тыс. семей по всей стране [Политбюро ... 2005, 801].

Ориентировочный расчет СПО ОГПУ по переселению «кулацких» хозяйств, составленный в апреле 1932 г. включал и уральских «кулаков». Там было учтено 1918 таких хозяйств. Постановление Политбюро ЦК ВКП (б) от 4 мая 1932 г. предписывало внутриобластное выселение 2 тыс. семейств [Политбюро ... 2005, 537], которое требовалось провести в течение мая. Н. И. Загороднюк сообщает, что 8 мая 1932 г. бюро Уралобкома ВКП (б) приняло решение о выселении в течение мая 4 тыс. семей внутри Уральской области [Загороднюк 1999, 71]. Стремление перевыполнить чудовищный план очевидно (вместо двух тысяч по плану Политбюро ЦК ВКП(б), региональная власть решила выселить вдвое больше).

Здесь нельзя не обратить внимание, что в конце 1932 г. – начале 1933 г. ОГПУ приступило к разработке крупнейшей после 1930–1931 гг. акции, направленной не только против крестьянства,

² По другим данным, к выселению на Урал было определено 11 тыс. семейств из других районов СССР [Трагедия ... 2001, 99].

но и против других групп населения, в том числе «деклассированных элементов»³. Сталинское руководство стало проявлять обеспокоенность масштабами новой кампании, грозившей ввергнуть сельскую жизнь в очередной кризис. Для исправления положения потребовалось резко уменьшить обороты репрессивного механизма [Политбюро ... 2005, 829]. Окончательное решение по вопросу выселений отражено в «Инструкции всем партийно-советским работникам» от 10 мая 1933 г. Документ информировал, что массовые выселения крестьян прекращаются, кроме 12 тыс. хозяйств из различных районов страны (в т. ч. 1 тыс. хозяйств по Уралу), которые ведут активную борьбу против колхозов [Политбюро ... 2005, 609]. Таким образом, массовое выселение крестьян (сотни тысяч) после 1933 г. не проводилось, но имело место выселение «незначительного» числа, по сравнению с 1930–1931 гг. (десятки тысяч).

Сколько прибыло на Урал и отправляли ли крестьян на спецпоселение в национальные округа Уральской области?

Уральская область получила новые партии ссыльных в 1932–1933 гг. извне. Так, В. Н. Земсков пишет, что на 1 января 1932 г. на Урал прибыло 10107 человек новых спецпереселенцев, а на 1 января 1933 г. их численность составила 33920 спецпереселенцев [Земсков 1994, 122–123]; затем эти же данные привела и Т. И. Славко, не конкретизируя численность по районам Севера [Славко 1995, 72–73]. Е. В. Боркова утверждает, что на протяжении 1932–1933 гг. на Север Уральской области прибыли партии раскулаченных крестьян в количестве 12 тыс. человек, не выясняя, сколько из них попало в Ямало-Ненецкий и Остяко-Вогульский округа [Боркова 2005, 18]. Таким образом, исследователи приводили сведения о ссылке на Север Уральской области в 1932 г., но данные о количественном составе отправленных в национальные округа в 1932 г. в этих исследованиях, отсутствуют. Документы «особой папки» фонда Уралобкома ВКП (б) весны 1932 г. лишь упоминают о выселениях крестьян Уральской области [ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 238. Л. 93–95], но они также не содержат конкретных сведений о том, сколько из них было / не было отправлено в исследуемый регион.

Для изучения третьего этапа ссылки в национальные округа, важно понимать, что 1932 г. – рубежный для Югры и Ямала в национально-государственном строительстве. Это было время, когда упразднили Тобольский округ и окончательно оформился руководящий аппарат новых национальных округов [КУ «ГАЮ». Ф. Р–1. Оп. 1. Д. 26. Л. 4–5]. Шла непростая административная реформа, происходило установление новых границ, налаживание работы советских и партийных органов власти округов, районов. Перед ними стояла главная задача – советизация коренных народов, которые сопротивлялись проводимой советской властью политике. Неблагоприятная ситуация с социалистическими преобразованиями в северных районах, заставила руководство страны принять специальное постановление «Об извращениях политики партии на Крайнем Севере» (Постановление Политбюро от 1 сентября 1932 г.) [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 2012. Л. 16–18], рассчитанное на некоторое ослабление экономического давления на коренное население. М. К. Ошвинцев (председатель Уралоблисполкома в 1929–1933 гг.) говорил об Остяко-Вогульском округе: «Рост населения идёт за счёт переселенцев» [КУ «ГАЮ». Ф. Э–1. Оп. 11. Д. 120. Л. 353]. Этот контингент рассматривался как неблагонадежный [ГАСПИТО. Ф. П–93. Оп. 1. Д. 86. Л. 53]. Дополнительный завоз спецпереселенцев мог осложнить и без того трудно протекавшие процессы модернизации.

На основе изученных материалов, очевидно, что массового завоза «кулаков» в регион в 1932 г. не предпринималось. Единичные случаи возможны. Внутренняя «переброска» спецпереселенцев также имела место. Известно, что в 1932 г. в Остяко-Вогульском округе были ликвидированы два спецпосёлка: Самаровский (Самаровсий район) и Ляпинский (Березовский район), а в 1933 г. ещё один – Покурский (Сургутский район). Как указывает Н. И. Загороднюк, спецпереселенцы из этих поселков были отправлены на постоянную дислокацию на Ямал [Загороднюк 1999, 81]. Таким образом, мы можем предположить увеличение числа спецконтингента на Ямале в 1932–1933 гг. за счет «переброски» примерно на 500 человек. Н. А. Михалевым о количестве ссыльных, завезенных в 1932 г. в Ямало-Ненецкий округ, не упоминалось. Однако из воспоминаний участников событий, известно, что 17 сентября 1932 г. в спецпоселок Аксарка Приуральского района прибыла небольшая группа

³ Началась массовая высылка из Украины, Закавказья, Северо-Кавказского и Нижне-Волжского краев. Эти потоки принудительной миграции с пестрым социальным составом объединили в так называемый «новый контингент», направленный преимущественно в Нарымский край и Казахстан для хозяйственного освоения.

спецпереселенцев из Уральской области. В 1933 г. в этом спецпоселке жили 188 семей (1049 человек) [Горькие ...]. Таким образом, прибытие спецпереселенцев в Ямало-Ненецкий округ в конце навигации 1932 г. зафиксировано в документах личного характера.

Численность спецпереселенцев в национальных округах в 1932 г.

Окружной инспектор по народно-хозяйственному учету Остяко-Вогульского округа сообщал, что «при отсутствии на местах текущего учета, не представляется возможным точно установить количество населения для 1932 г.» [КУ «ГАЮ». Ф. Р– 6. Оп. 1. Д. 17. Л. 5]. Нет статистики погибших от холода, голода, болезней, как и отсутствует статистика сбежавших. Как уже отмечалось, Остяко-Вогульский округ стал основным на Севере Западной Сибири для размещения спецпереселенцев. Из справки начальника Остяко-Вогульского окружного отдела ОГПУ Слепухина (*имя неизвестно – прим. Л. А.*) и окружного коменданта П. А. Логинова известно, что в апреле 1932 г. численность спецпереселенцев в округе составляла 30243 человека (6 459 семей) [ГАСО. Ф. Р–88. Оп. 21. Д. 74а. Л. 92–94]. По данным Интегралсоюза, осуществлявшего снабжение населения продуктами, на 5 июня 1932 г. сообщалось о 31390 спецпереселенцах [КУ «ГАЮ». Ф. Р–6. Оп. 1. Д. 4. Л. 24]. По данным окружной статистики на 1 января 1933 г. численность спецпереселенцев в округе составила 32208 человек [КУ «ГАЮ». Ф. Р– 6. Оп. 1. Д. 4. Л. 63]. Сопоставим данные о численности спецпереселенцев по имеющимся источникам в 1932 г. в разрезе районов Остяко-Вогульского округа (см. табл.).

Численность спецпереселенцев в Остяко-Вогульском округе [Составлена и подсчитана по: КУ «ГАЮ». Ф. Р–6. Оп. 1. Д. 4. Л. 24, 53, 63]

Район	По данным окружного отдела статистики на 1 января 1932 г.	По данным Интегралсоюза на 5 июня 1932 г.	По данным окружного отдела статистики на 1 января 1933 г.	Изменение численности за год
Березовский	10065	10065	10266	+ 201
Кондинский	3796	3796	3360	- 436
Самаровский	7980	7735	7890	+ 155
Сургутский	8949	8949	9288	+ 339
Шурышкарский	–	1445	1474	+1474
Ларьякский	–	88	90	+90
Всего	30790	31390	32208	+1823

Сопоставление данных о численности спецпереселенцев, приведенных выше (включая и статистические сведения таблицы) позволяет утверждать, что в навигацию 1932 г. мог быть осуществлен завоз новых спецпереселенцев (не менее 2 тыс. человек). Появление спецпереселенцев с лета 1932 г. обнаружено в двух районах: Шурышкарском⁴ и Ларьякском⁵ (ранее сведения о них в документах учета не приводились). Голод 1932/33 г., разразившийся на Урале, усугубил и без того тяжелое положение с продуктами питания спецпереселенцев. В условиях голода едва ли был возможен естественный прирост населения среди спецпереселенцев в указанном количестве (1823 человека), т. к. смертность превышала рождаемость. Однако официальных документов⁶, прямо указывающих на транспортировку спецпереселенцев на Север Западной Сибири, не обнаружено. Исходя из данных Е.В. Борковой, утверждавшей, что на Север Уральской области было отправлено в 1932–1933 гг. 12 тыс. человек, и с учетом сложившейся практики спецпереселений (ее распределительный принцип⁷), считаем, что партия спецпереселенцев (приблизительно 2 тыс. человек) могла быть отправлена на Север Западной Сибири в навигацию 1932 г. Подсчет численности населения Югры по данным Уралснаба показывает, что всё население в конце 1932 г. насчитывало 79800 человек (из них спецпереселенцы – 32800) [ГА-

⁴ В составе Остяко-Вогульского округа находился до 1937 г., затем был передан в Ямало-Ненецкий округ.

⁵ В сентябре 1931 г. Ваховско-Ларьякский район был передан Остяко-Вогульскому округу из Западно-Сибирского края.

⁶ Изучение протоколов заседаний президиума Остяко-Вогульского окрисполкома показало, что план на 2-й квартал 1932 г. не содержал вопросов о спецпереселенцах, т.к. они уже находились в ведении ОГПУ.

⁷ В 1930 г. на Север Западной Сибири отправили 10 % всех спецпереселенцев Уральской области, в 1931 г. – 5 %.

СО. Ф. Р–1517. Оп. 1. Д. 318. Л. 49]. Прямые подсчеты прямо указывают на увеличение численности спецпереселенцев⁸.

В тезисах к докладу Остяко-Вогульского окружкома ВКП (б) для второй партийной конференции (1933 г.) подчеркивалось «наличие в округе громадного числа пришлого населения и кулацкой ссылки» [ГАСПИТО. Ф. П–107. Оп. 1. Д. 143. Л. 13], отрицательно, по мнению руководства округа, влиявшего на социалистическое переустройство края. Дальнейшее скопление спецконтингента рассматривалось уже как нежелательное явление. При этом рабочей силы было все же недостаточно. В материалах Второй партийной конференции (1933 г.) подчеркивалось, что задачами Остяко-Вогульского округа по-прежнему являются: «дать рыбу для уральского пролетариата, пушнину для экспорта, обеспечить свою продовольственную базу, освободить Урал от завоза овощей на Север, лесозаготовки» [ГАСПИТО. Ф. П–107. Оп. 1. Д. 143. Л.31]. В выполнении этих задач спецпереселенцам отводилась чрезвычайно важная роль. Расчёты Остяко-Вогульского окрплана были ориентированы на механический прирост населения во второй пятилетке [КУ «ГАЮ». Ф. Р– 6. Оп. 1. Д. 4. Л. 54]. Следовательно, окружные власти все же не исключали дополнительный завоз спецконтингента. Постановление Малого Президиума Уральской области от 1 января 1933 г. по докладу «О хозяйственно-культурном строительстве в Остяко-Вогульском округе» отражает выступление М. К. Ошвинцева, в котором давалась установка на более гуманное отношение к спецпереселенцам. Им, в частности, говорилось, что «кулаки-переселенцы являются также и людьми и никто не вправе расценивать их не как людей. <...> «Эту силу рассматриваем как временную <...> что пройдет известный период времени и их не будет <...> Вы будете отвечать, если будете проявлять безобразное, нечеловеческое отношение к этим переселенцам» [КУ «ГАЮ». Ф. Э–1. Оп. 11. Д. 120. Л. 354]. В конце июня 1933 г. из Уралобкома ВКП(б) была получена установка на сохранение контингента спецпоселений [ГАСПИТО. Ф. П–107. Оп. 1. Д. 199. Л. 8].

В Ямало-Ненецком округе ситуация с учетом спецпереселенцев была ещё сложнее, чем в Остяко-Вогульском. Заместитель управляющего Рыбтрестом Рейфман (имя неизвестно – прим. Л.А.) говорил, что «нет точного учета до сих пор переданных Рыбтресту переселенцев, нет никаких данных по Обдорскому району» [ГАСПИТО. Ф. П–30. Оп. 1. Д. 162. Л. 1]. Установлено, что в 1930 г. в Обдорском районе было размещено 5520 человек [ГАСПИТО. Ф. П–30. Оп. 1. Д. 972. Л. 69; ГА в г. Тобольске. Ф. 434. Оп. 3. Д. 155. Л. 6, 13]. На 29 декабря 1930 г. численность спецпереселенцев Рыбтреста составила в этом округе 3100 человек [ГАТО в г. Тобольске. Ф. 209. Оп. 1. Д. 306. Л. 8–8 об.]. Ранее мы писали, что из-за начавшегося голода и смертности значительная часть спецпереселенцев была переселена южнее [Алексеева 2020; 2021].

На 1 января 1931 г. в округе насчитывалось 23356 человек (из них коренные народы – 11500) [ГАСПИТО. Ф. П–135. Оп. 1. Д. 4. Л. 7 об.]. По данным на апрель 1931 г. спецпереселенцев было учтено 3110 человек [Игнатова, Михалев 2013, 100]. В 1931 г. смертность в Обдорском районе составляла среди спецпереселенцев 15–20%, однако туда было вселено около 500 человек вновь прибывших спецпереселенцев. На 1 октября 1931 г. в Ямало-Ненецком округе насчитывалось 3687 человек спецконтингента. «Переброска» спецпереселенцев⁹ из упомянутых ранее расформированных спецпосёлков Остяко-Вогульского округа в 1932–1933 г. призвана была увеличить число работников для рыбного хозяйства, разместить которых предполагалось в Новом Порту и Тазовском районе¹⁰. По нашим подсчетам их было отправлено не более 500 человек. То, что спецпереселенцы попали в Новый Порт, подтверждается «Отчетом о работе Ямальского (Ненецкого) окружного исполнительного комитета за 1931–1933 гг.», где говорится о крупном развитии промысла в районе Нового Порта [ГАСПИТО. Ф. П–135. Оп. 1. Д. 4. Л. 8].

По данным Ямальского окружного планового отдела на 1 января 1933 г. население составляло 26668 человек, коренные жители – 13878 человек, русские – 11309, прочие – 1712 соответственно [ГАСПИТО. Ф. П–135. Оп. 1. Д. 61. Л. 68]¹¹. Мы подсчитали, что количество спецпереселенцев

⁸В 1931 г. население округа составляло 77 тыс. человек [ГАСПИТО. Ф. П–107. Оп. 1. Д. 523. Л. 28].

⁹ Это были малосемейные спецпереселенцы.

¹⁰ Там, за Полярным кругом планировалось создать новые поселки и организовать добычу ценных видов рыбы.

¹¹По переписи 1926/27 г. все население Ямала составляло 13572 человека. Русские насчитывали в регионе лишь 1087 человек, а прочие – 206 человек [Михалев 2010, 33]. Демографические формулы не позволяют объяснить естественный прирост за 5–7 лет по увеличению русского населения в несколько раз. Ответ очевиден – это спецпереселенцы.

в этом округе в 1933 г. составляло не более 3500 человек¹², а всего в Ямало-Ненецкий округ за весь период ссылки 1930–1932 гг. было отправлено не менее 9 тыс. человек.

Заключение

Массовое переселение крестьян в регион осуществлялось в два этапа: 1930 г. и 1931 г. Общая численность сосланных в округа в 1930–1931 гг. составила 48054 человека. Факт третьего этапа крестьянской ссылки в северные районы Уральской области подтвержден. Сопоставительный анализ численности спецпереселенцев и прямые подсчеты позволяют констатировать, что летом 1932 г. спецпереселенцы появились в Ларьякском районе – 88 человек и Шурышкарском районе Остяко-Вогульского округа – 1445 человек. Осенью 1932 г. новые спецпереселенцы появились и в Аксарке Ямальского округа. Причины, объясняющие, почему не завозили массовым порядком раскулаченных крестьян в регион, представляются следующие: во-первых, было обозначено стремление органов центральной власти к прекращению массовых выселений в СССР с лета 1932 г.; во-вторых, плохое обустройство спецпереселенцев в местах ссылки. Высокая смертность и побег, низкая эффективность ссылки как экономического средства по развитию региона и формирование требования в правительственных постановлениях к повышению ответственности за сохранение контингента заставляли более осторожно подходить к приему и размещению новых спецпереселенцев. В-третьих, скопление большого числа спецпереселенцев породило в некоторых пунктах их численное преобладание над старожильческим и коренным населением, что рассматривалось региональной властью как явление опасное для строительства социализма. В-четвертых, имеющееся количество спецпереселенцев, при условии его сохранения, могло обеспечить выполнение народнохозяйственных планов. С учетом отправленных в 1932 г. спецпереселенцев методом прямого подсчета данных установлено, что численность депортированных крестьян приблизилась в двух национальных округах к 50 тыс. человек. На 1 января 1933 г. в Остяко-Вогульском округе спецпереселенцев насчитывалось 32208 человек, а в Ямало-Ненецком – не более 3,5 тыс. человек. Мы видим значительное несоответствие численности отправленных спецпереселенцев к числу учтенных. Это прямые демографические потери, причиной которых стали побег, а также голод и болезни, повлекшие за собой высокий уровень смертности. Демографические потери – вопрос, являющийся неизученным в теме крестьянской ссылки и требующий дальнейшего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеева Л. В. Начало «кулацкой ссылки» на Тобольский север (1930) // Научный диалог. 2020. № 4. С. 238–252.

Алексеева Л. В. Второй этап крестьянской ссылки на Север Западной Сибири (1931 г.): малоизученные и дискуссионные вопросы // Ежегодник финно-угорских исследований. 2021. Т. 15. Вып. 2. С. 304–315.

Боркова Е. В. Спецконтингент в Северо-Западной Сибири в 1930–е-начале 1950-х гг.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2005. 23 с. URL: <http://cheloveknauka.com/spetskontingent-v-severozapadnoy-sibiri-v-1930-e-nachale-1950-h-gg#ixzz67tgvM75D> (дата обращения: 15.02.2020).

Горшков С. В., Попов Н. Н. Советская ссылка на Обь Иртышский Север (1920–1960 гг.) // Русские старожилы. Тобольск, Омск, 2000. С. 234–238.

Горькие судьбы 30-х. Муниципальное бюджетное учреждение культуры. «Приуральский районный краеведческий музей». URL: <https://priuralye-rkm.ru/novosti/gorkie-sudby-30h/> (дата обращения: 18.02.2022).

Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р–88. Оп. 21. Д. 74а. Л. 92–94.

ГАСО. Ф. Р–856. Оп. 4. Д. 15. Л. 144–155.

ГАСО. Ф. Р–1517. Оп. 1. Д. 318. Л. 49.

Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Ф. П–30. Оп. 1. Д. 972. Л. 69.

ГАСПИТО. Ф. П–30. Оп. 1. Д. 162. Л. 1.

ГАСПИТО. Ф. П–93. Оп. 1. Д. 86. Л. 53.

ГАСПИТО. Ф. П–107. Оп. 1. Д. 523. Л. 28.

¹² Это коррелирует с официальными данными окрисполкома, что в 1933 г. из 3908 рыболовов Рыбтреста местные националы составляли лишь 645 человек, а остальные являлись завезенной рабочей силой (3263 человека) [ГАСПИТО. Ф. П–135. Оп. 1. Д. 4. Л. 18].

ГАСПИТО. Ф. П–107. Оп. 1. Д. 143. Л. 13, 31.

ГАСПИТО. Ф. П–107. Оп. 1. Д. 199. Л. 8.

ГАСПИТО. Ф. П–135. Оп. 1. Д. 4. Л. 7 об., 8, 18.

ГАСПИТО. Ф. П–135. Оп. 1. Д. 61. Л. 68.

Государственный архив Тюменской области в г. Тобольске (ГАТО в г. Тобольске). Ф. 209. Оп. 1. Д. 306. Л. 8–8 об.

ГАТО в г. Тобольске. Ф. 434. Оп. 3. Д. 155. Л. 6, 13.

Загороднюк Н. И. Ссылка крестьян в Северо-Западную Сибирь (1929–1940 гг.): дисс. ... канд. ист. наук. Омск, 1999. 187 с.

Загороднюк Н. И. Особенности формирования рабочего класса в Северо-Западной Сибири (1930-е гг.) // Северный регион: экономика и социокультурная динамика. Сб. тез. к Всерос. науч. конф. Ханты-Мансийск; Сургут: СурГУ, 2000. 300 с.

Земсков В. Н. Судьба «кулацкой ссылки» (1930–1954 гг.) // Отечественная история. 1994. № 1. С. 118–147.

Ивницкий Н. А. Раскулачивание и депортация зажиточной части крестьянства (начало 1930-х гг.) // Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе: материалы XXVII сессии Симпоз. по аграр. истории Вост. Европы. Вологда: Русь, 2001. С. 315–319.

Игнатова Н. М., Михалев Н. А. «Кулацкая ссылка» на территории Республики Коми и Ямало-Ненецкого автономного округа в первой половине 1930-х гг.: размещение и численность // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2013. № 4(16). С. 98–102.

Казенное учреждение «Государственный архив Югры» (КУ «ГАЮ»). Ф. Э–1. Оп. 11. Д. 120. Л. 353, 354, 355.

КУ «ГАЮ». Ф. Р–1. Оп. 1. Д. 26. Л. 4–5.

КУ «ГАЮ». Ф. Р–6. Оп. 1. Д. 4. Л. 24, 53, 54, 63.

КУ «ГАЮ». Ф. Р–6. Оп. 1. Д. 17. Л. 5.

Михалев Н. А. Население Ямала в первой половине XX века: историко-демографический анализ. Екатеринбург: Ин-т истории и археологии УрО РАН, 2010. 196 с.

Михалев Н. А. «Кулацкая ссылка» на территории Ямало-Ненецкого округа в первой половине 1930-х гг.: численность, размещение, условия жизни // Пять столетий Югры. Проблемы и решения, итоги и перспективы / Под общ. ред. д.и.н., проф. Л. В. Алексеевой. Нижневартовск: НГГУ, 2011. 279 с.

Мошкин В. В. Ссылка крестьян на Север в 1930–1933 гг. (на материалах Ханты-Мансийского автономного округа). Нижневартовск: НГГУ, 2008. 189 с.

Наша общая горькая правда: Ист.-краевед. сб. / Ред.-сост. Л. В. Цареградская. Ханты-Мансийск: Гос. музей Природы и Человека: Полиграфист, 2004. 350 с.

Петрушин А. А. «Мы не знаем пощады ...»: Известные, малоизвестные и неизвестные события из истории Тюменского края по материалам ВЧК–ГПУ–НКВД–КГБ. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. 304 с.

Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930–1940 / сост. В. П. Данилов, Л. Виола, С. А. Красильников / отв. ред. Н. Н. Покровский. Москва: РОССПЭН, 2005. Кн. 1. 912 с. Кн. 2. 2006. 1120 с.

Прибыльский Ю. Спецпереселенцы // Тюменская правда. 1988. 14 декабря.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 2012. Л. 16–18.

Славко Т. И. Кулацкая ссылка на Урале. 1930–1936. М.: Мосгорархив, 1995. 177 с.

Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4-х т. / Под ред. А. Береловича, В. Данилова. М.: РОССПЭН, 2005. Т. 3. Кн. 2. 840 с. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/50611-dokumenty> (дата обращения: 05.08. 2020).

Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. 1927–1939 / Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. В 5 т. М.: РОССПЭН, 2001. Т. 3. 1006 с. URL: <http://ladim.org/st005.php#3> (дата обращения: 05.08. 2020).

Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 10. Д. 238. Л. 51, 93–95.

Conquest R. The Harvest of Sorrow: Soviet Collectivization and the Terror-famine. Oxford University Press, 1987. 430 p.

Fitzpatrick S. Stalin's Peasants: Resistance and Survival in the Russian Village After Collectivization. Oxford University Press, 1996. 386 p.

Keep J. Recent Writing on Stalin's Gulag: An Overview // Crime, History & Societies, vol. 1, no 2, 1997. URL: <http://journals.openedition.org/chs/1014> (дата обращения: 12. 01. 2022)

Merl S. Das System der Zwangsarbeit und die Opferzahl im Stalinismus // Geschichte in Wissenschaft und Unterricht. 1995, Jg. 46, Heft 5/6, ss. 277–301.

Pohl J.O. The Stalinist Penal System. A Statistical History of Soviet Repression and Terror, 1930–1953. Jefferson, NC; London: McFarland & Company, Inc., Publisher, 1997. 165 p.

Viola L. The Unknown Gulag. The Lost World of Stalin's Special Settlements. Oxford University Press, 2009. 320 p.

Поступила в редакцию 15.08.2022

Алексеева Любовь Васильевна,
доктор исторических наук, профессор,
Нижевартовский государственный университет
628605, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра,
Тюменская область, г. Нижневартовск, ул. Ленина, д. 56
E-mail: lvalexeeva@mail.ru

L. V. Alekseeva

ON THE THIRD STAGE OF PEASANT EXILE AND THE NUMBER OF SPECIAL SETTLERS IN THE NORTH OF WESTERN SIBERIA (1930-1933)

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-1-106-116

There is one of the most debatable questions of modern history - the third stage of peasants' exile and the number of peasants, sent to the territory of modern Khanty-Mansiysk and Yamalo-Nenets autonomous districts in the early 1930s. This question is considered in the article. The author looks back at the previous two stages of "kulak exile" (1930–1931) and provides the data on the number of peasants, sent to the settlement in the region, their share in the number of population of districts. The article pays attention to the discussion of the existence of the third stage of exile (1932) and the number of special settlers in 1930-1933. The author reveals erroneous interpretations of statistical data in the national historiography concerning the number of special settlers sent to the national districts of the North of Western Siberia. The study establishes the fact of the third stage of exile in the region. The analysis of exile plans of 1932 was carried out. The assessment of the third stage of exile, which was not in the nature of mass settlement to the region, is formulated. For the first time in the national science the question of understanding peculiarities of the third stage of the peasant exile to the Yamalo-Nenets and Khanty-Mansiysk national districts is clarified.

Keywords: peasant exile, stage, national district, special settlers, peasants, the North of Western Siberia, Ural, plan, numbers, study, discussion.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2023, vol. 17, issue 1, pp. 106-116. In Russian.

REFERENCES

Alekseeva L. V. *Nachalo "kulatskoi ssylki" na Tobol'skii sever (1930)* [The Beginning of the "Kulak Exile" to the Tobolsk North (1930)]. *Nauchnyi dialog*. [Scientific Dialogue]. 2020, no. 4, pp. 238–252. In Russian.

Alekseeva L. V. *Vtoroj etap krest'yanskoj ssylki na Sever Zapadnoj Sibiri (1931 g.): maloizuchennye i diskussionnye voprosy* [The Second Stage of Peasant Exile in the North of Western Siberia (1931): Little-Studied and Debatable Issues]. *Ezhegodnik finno-ugorskih issledovanij*. [Yearbook of Finno-Ugric Studies]. 2021. vol. 15 (2), pp. 304-315. In Russian.

Gor'kie sud'by 30-h. Municipal'noe byudzhethoe uchrezhdenie kul'tury [Bitter Fate of the 30s. Municipal Budgetary Institution of Culture]. «Priural'skij rajonnyj kraevedcheskij muzej» ["Priuralskiy District Museum of Local Lore"]. URL: <https://priuralye-rkm.ru/novosti/gorkie-sudby-30h/> (accessed: February 18, 2022). In Russian.

Borkova E. V. *Speczkontingent v Severo-Zapadnoj Sibiri v 1930-e-nachale 1950-kh gg.*: [Special Contingent in North-Western Siberia in the 1930s-Early 1950s]. Yekaterinburg, 2005, 23 p. URL: <http://cheloveknauka.com/spetskontingent-v-severo-zapadnoy-sibiri-v-1930-e-nachale-1950-h-gg#ixzz67tgvM75D> (accessed: February 15, 2020). (In Russian)

Conquest R. *The Harvest of Sorrow: Soviet Collectivization and the Terror-Famine*. London: Oxford University Press, 1987. 430 p. In English.

Ivniczkij N. A. *Raskulachivanie i deportacziya zazhitchoj chasti krest'yanstva (nachalo 1930-kh gg.)* [Dekulakization and Deportation of the Prosperous Part of the Peasantry (Beginning of the 1930s)]. *Zazhitchoe*

krest`yanstvo Rossii v istoricheskoy retrospektive: materialy` XXVII sessii Simpoz. po agrar. istorii Vost. Evropy`. [The Prosperous Peasantry of Russia in Historical Retrospect: Materials of the XXVII Session of the Symposium on the East Europeans Agrarian History]. Vologda: Rus Publ., 2001, pp. 315–319. In Russian.

Ignatova N. M., Mikhalev N. A. «Kulatskaya ssylka» na territorii Respubliki Komi I Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga v pervoy polovine 1930-kh gg.: razmeshcheniye I chislennost' ["Kulak Exile" on the Territory of the Komi Republic and Yamalo-Nenets Autonomous Okrug in the First Half of the 1930s: Location and Number]. *Izvestiya Komi nauchnogo tsentra UrO RAN* [Proceedings of the Komi Scientific Center of UB RAS], 2013, no 4(16), pp. 98–102. In Russian.

Fitzpatrick S. *Stalin's Peasants: Resistance and Survival in the Russian Village After Collectivization*. New York: Oxford University Press, 1996. 386 p. In English.

Gorshkov S. V., Popov N.N. *Sovetskaya ssylka na Ob`-Irtyshskom Severe (1920-e – 1960-e gg.)* [Soviet Exile in the Ob-Irtysh North (1920s-1960s)]. *Russkie starozhilye. Materialy` III Sibirskogo Simpoziuma* [Russian Old-Timers. Materials of the III Siberian Symposium]. Tobolsk-Omsk, 2000, pp. 234-238. In Russian.

Gosudarstvennyy arkhiv sotsialno-politicheskoy istorii Tyumenskoy oblasti. [State Archive of Social and Political History of the Tyumen Region] (SASPHTR). F. P–30. Inv. 1. RM. 972. P. 69. In Russian.

SASPHTR. F. P–30. Inv. 1. RM. 162. P. 1. In Russian.

SASPHTR. F. P–93. Inv. 1. RM. 86. P. 53. In Russian.

SASPHTR. F. P–107. Inv. 1. RM. 523. P. 28. In Russian.

SASPHTR. F. P–107. Inv. 1. RM. 143. P. 13, 31. In Russian.

SASPHTR. F. P–107. Inv. 1. RM. 199. P. 8. In Russian.

SASPHTR. F. P–135. Inv. 1. RM. 4. P. 7 back, 8, 18. In Russian.

SASPHTR. F. P–135. Inv. 1. RM. 61. P. 68. In Russian.

Gosudarstvennyy arkhiv Sverdlovskoi oblasti [State Archive of the Sverdlovsk Region] (SASR). F. R–88. Inv. 21. RM. 74a. P. 92-94. In Russian.

SASR. F. R–856. Inv. 4. RM. 15. P. 144–155. In Russian.

SASR. F. R–1517. Inv. 1. RM. 318. P. 49. In Russian.

Gosudarstvennyy arkhiv Tyumenskoy oblasti [State Archive of Tyumen Region in Tobolsk]. (SATR in Tobolsk). F. 209. Inv. 1. RM. 306. P. 8. In Russian.

SATR in Tobolsk. F. 434. Inv. 3. RM. 155. P. 6, 13. In Russian.

Kazennoe uchrezhdenie "Gosudarstvennyy arkhiv Yugry" (KU "GAYU") [State Institution "State Archive of Yugra"] (SI "SAYu"). F. E–1. Inv. 11. RM. 120. P. 353, 354, 355. In Russian.

SI "SAYu". F. R–1. Inv. 1. RM. 26. P. 4–5. In Russian.

SI "SAYu". F. R–6. Inv. 1. RM. 4. P. 24, 53, 54, 63. In Russian.

SI "SAYu". F. R–6. Inv. 1. RM. 17. P. 5. In Russian.

Keep J. Recent Writing on Stalin's Gulag : An Overview. *Crime, Histoire & Sociétés*, 1997, vol. 1, no 2. URL: <http://journals.openedition.org/chs/1014> (accessed: January 12, 2022). In English.

Merl S. Das System der Zwangsarbeit und die Opferzahl im Stalinismus // *Geschichte im Wissenschaft und Unterricht*. 1995, Jg. 46, Heft 5/6, ss. 277–301. In German.

Mikhalev N. A. *Naselenie Yamala v pervoy polovine XX veka: istoriko-demograficheskij analiz* [The Population of Yamal in the First Half of the Twentieth Century: Historical and Demographic Analysis]. Yekaterinburg: Ural Institute of History and Archeology Publ., 2010, 196 p. In Russian.

Mikhalev N. A. «Kulatskaya ssylka» na territorii Yamalo-Nenetskogo okruga v pervoy polovine 1930-kh gg.: chislennost', razmeshcheniye, usloviya zhizni ["Kulak Exile" on the Territory of the Yamalo-Nenets District in the First Half of the 1930s: Number, Location, Living Conditions]. *Pyat' stoletiy Yugry. Problemy i resheniya, itogi i perspektivy* [Five Centuries of Yugra. Problems and Solutions, Results and Prospects]. Ed. by L. V. Alekseeva. Nizhnevartovsk: NVSU Publ., 2011. 279 p. In Russian.

Moshkin V. V. *Ssylka krestyan na Sever v 1930–1933 gg. (na materialakh Xanty`-Mansijskogo avtonomnog okruga)* [The Exile of Peasants to the North in 1930–1933 (Based on the Materials of the Khanty-Mansiysk Autonomous District)]. Nizhnevartovsk: NKSU Publ., 2008. 189 p. In Russian.

Petrushin A. A. «My` ne znaem poshhady` ...»: *Izvestny`e, maloizvestny`e I neizvestny`e sobyt'iya iz istorii Tyumenskogo kraya po materialam VChK – GPU – NKVD – KGB*. ["We Do not Know Mercy...": Known, Little-Known and Unknown Events of the Tyumen Region History Based on Materials in the AREC – SPD – PKIA – CSC]. Tyumen: Publ. Yu. Mandrika, 1999. 304 p. In Russian.

Pohl J.O. *The Stalinist Penal System. A Statistical History of Soviet Repression and Terror, 1930–1953*. Jefferson, NC; London: McFarland & Company, Inc., Publishers, 1997. 165 p. In English.

Politbyuro I krest`yanstvo: vy`sy`lka, speczposelenie. 1930–1940 [The Politburo and the Peasantry: Deportation, Banishment. 1930–1940]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2005, vol. 1, 912 p.; 2006, vol. 2, 1120 p. In Russian.

Pribylskij Yu. *Speczpereselency* [The Settlers]. *Tyumenskayapravda: gazeta, 1988. 14 dekabrya* [The Tyumen Truth: Newspaper]. In Russian.

Sovetskaya derevnya glazami VChK–OGPU–NKVD. 1918–1939. Dokumenty` i materialy`. V 4 tomah [Soviet Village Through the Eyes of the AREC–SPD–PKIA. 1918–1939. Documents and Materials. In 4 v.]. Ed. by A. Berelovich, V. Danilov. Moscow: ROSSPEN Publ., 2005, vol. 3, book 2. 840 p. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/50611-dokumenty> (accessed: August 05, 2020). In Russian.

Rossiiskii gosudarstvenny iarkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii [Russian State Archive of Social and Political History. (RSASPH). F. 17. Inv. 3. RM. 2012. P. 16–18. In Russian.

Tragediya sovetskoj derevni. Kollektivizaciya i raskulachivanie. Dokumenty` i materialy`. 1927–1939. V 5 t. [The Tragedy of the Soviet Village. Collectivization and Dekulakization. Documents and Materials. 1927–1939. In 5 vol.]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2001, vol. 3, 1006 p. URL: <http://ladim.org/st005.php#3> (accessed: August 05, 2020). In Russian.

Tsentr dokumentatsii obshchestvennykh organizatsii Sverdlovskoi oblasti (TSDOOSO) [Center for Documentation of Public Organizations in the Sverdlovsk Region] (CDPOSR). F. 4. Inv. 10. RM. 238. P. 51, 93–95. In Russian.

Viola L. *The Unknown Gulag. The Lost World of Stalin's Special Settlements.* New York: Oxford University Press, 2009. 320 p. In English.

Zagorodnyuk N. I. *Ssy`lka krest`yan v Severo-Zapadnyu Sibir` (1929–1940 gg.)* [Exile of Peasants to North-Western Siberia (1929–1940)]. Omsk, 1999. 187 p. In Russian.

Zagorodnyuk N. I. *Osobennosti formirovaniya rabochej oklassa v Severo Zapadnoy Sibiri (1930-e gg.)* [Features of the Working Class Formation in North-Western Siberia (1930s)]. *Severnnyy region: ekonomika i sotsiokulturnaya dinamika. Sbornik tezisov k Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii* [Northern Region: Economy and Socio-Cultural Dynamics. Collection of Abstracts for the All-Russian Scientific Conference]. Khanty-Mansiysk; Surgut: SurGU Publ., 2000. 300 p. In Russian.

Zemskov V.N. *Sud`ba "Kulaczkoj ssy`lki" (1930-1954)* [The Fate of the "Kulak Exile" (1930-1954)]. *Otechestvennaya istoriya* [National History]. 1994, no 1, pp. 118–143. In Russian.

Received 15.08.2022

Alekseeva Lyubov Vasilyevna,
Dr. (Hist.), Prof., Professor of Records Management
and Russian History Department
Nizhnevartovsk State University, 56, Lenin Str., Nizhnevartovsk, 628605,
Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug-Yugra, Russian Federation
E-mail: lvalexeeva@mail.ru